

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ О ГЕНДЕРЕ

© 2004 Е.С. Гриценко

Нижегородский государственный лингвистический университет

Концептуальным базисом языковой категоризации является имплицитное владение специфической информацией об организации физического и социального мира. Природа гендерного концепта, в числе основных компонентов которого выделяют, в частности, “культурные символы и нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов, выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах” [2, 9], определяет роль пропозиций в структурировании гендерных знаний.

Гендерные представления, как и другие формы знаний, организованы в виде ментальных структур, которые Дж. Лакофф назвал идеализированными когнитивными моделями (ИКМ). ИКМ, по Лакоффу, используют различные принципы структурирования [15, 113-114]:

1) *Пропозициональные модели* определяют элементы, их отличительные особенности и отношения между ними (например, пропозициональная модель, характеризующая знания об огне будет включать в себя то, что огонь опасен);

2) *Схематические модели образов* определяют схематические образы, такие как траектории, длинные формы или сосуды (знания о волейбольной подаче включают ее траекторию, о свече - схему длинного тонкого объекта и т.д.);

3) *Метафорические модели*, представляющие собой проецирование из пропозициональной и образно-схематической модели одной сферы в соответствующую структуру другой сферы;

4) *Метонимические модели*, где в одной (или более) из вышеназванных моделей один элемент модели выполняет функцию другого.

Лакофф рассматривал пропозициональные структуры¹ как часть ИКМ, хотя в когнитивной лингвистике существует и иное понимание, в рамках которого пропозиции трактуются как особый, отличный от ментальных моделей, вид концептуализации, способный получать вербальное выражение, т.е. пропозиции сближаются с языковыми единицами, в частности, предложением [13, 155-162]. Данные подходы не яв-

ляются взаимоисключающими: как известно, термин “пропозиция” восходит к латинскому *propositio*, первоначально обозначавшему в логике суждение, а в лингвистике предложение.

Н.Д. Арутюнова определяет пропозиции как “семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от них конструкций. ... Они состоят из термов, способных к референции, и предикатов, способных получать модальное и временные характеристики” [1, 401]. Т.А. Фесенко, со ссылкой на работу М. Эрлиха, выделяет три подхода к трактовке понятия пропозиции на современном этапе: 1) пропозиция как основополагающий формат репрезентации, как абстрактная инвариантная единица; 2) пропозиция как ментальная единица, как компонент когнитивной системы человека; 3) пропозиция как элемент значения, позволяющий «квантовать» полученную информацию [6, 11]. В терминологии Фесенко, пропозиции как единицы репрезентации значения состоят из концептов-слов, одни из которых выполняют функцию предиката, а другие аргумента, при этом аргументы соотносятся с отдельными объектами, а предикаты выражают отношения между ними и их свойства [6, 13].

В гендерных пропозициях концепты “мужчина” и “женщина”, “мужественность” и “женственность” и т.д. выступают как термы (аргументы), а предикат – это признак (действие, свойство и т.д.), атрибутируемый членам категории в связи с принадлежностью к определенному полу, например: “женственный - ...с качествами, свойствами женщины, мягкий, нежный, изящный” [3, 192].

Актуальными для гендерной категоризации представляются два вида пропозициональных структур:

- культурные постулаты, закрепленные в языке в различных типах дискурса (религии, фольклоре, народной философии и др.) в форме идиоматических выражений: афоризмов, лозунгов, сентенций, правил, максим, заповедей [16, 105];

- невербальные абстракции, которые могут создавать (обосновывать) культурные мо-

¹ Термины “модель” и “структура” мы, вслед за Лакоффом, употребляем здесь как кореферентные.

дели и порождать вербальные высказывания, не будучи сами выражены словесно.

Между этими типами нет непроходимых границ. Например, паремические речения, которые правомерно отнести к культурным постулатам, часто имеют форму иносказаний (метафор) и могут быть сведены к совокупности логем², являющихся аналогами второго типа пропозиций. Наоми Куин назвала их *пропозиционными схемами* [17, 179].

Исследуя вербально выраженные представления американских супружеских пар о браке, Куин пришла к выводу, что в их организации участвуют восемь пропозиционных схем (sharedness, lastingness, mutual benefit, compatibility, difficulty, effort, failure, and risk), которые, в свою очередь, могут порождать когнитивные метафоры. Например, пропозиция “брак прочен/долговечен” является основой для трех метафор – “соединение, связь”/binding (we are bound together), “цемент”/cement (cemented together) и “обязательство/договор”/covenant (engaged in a covenant with God) [18, 179-180].

В отличие от пропозиций, структурирующих представления о браке, гендерные пропозиционные схемы не могут быть с легкостью исчислены, поскольку, благодаря гендерной метафоре, характеристики “мужское” и “женское” могут быть безо всяких ограничений отделены от сущностей, имеющих “реальные” родовые различия, и перенесены на другие предметы. Кроме того ввиду реляционного характера метафорического рода, понятия и категории, не вызывающие гендерных ассоциаций сами по себе, способны приобретать их в соответствующих контекстах или при сопоставлении с другими категориями.

Примером пропозиционной схемы, структурирующей представления о гендере в патриархальной культуре, может служить известная оппозиция *мужчина – субъект, женщина – объект*, которая проявляется в языке в виде предпочтительной ассоциации мужчин с функцией субъекта, а женщин - с позицией объекта. Данная пропозиционная схема характеризует, например, смеховые тексты русской культуры (анекдоты), где “женщина часто выступает как дополнительный по отношению к мужчине объект, не нуждающийся в добавочной идентификации (*чукча говорит жене, “новый русский” сидит с девушкой в ресторане и т.д.*)” [4, 72]. Вербализация аналогичной схемы имеет место в

² Сформулированных средствами языка обобщающих исходных мыслей, объединяющих группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, которые выявляются в пословично-поговорочном фонде.

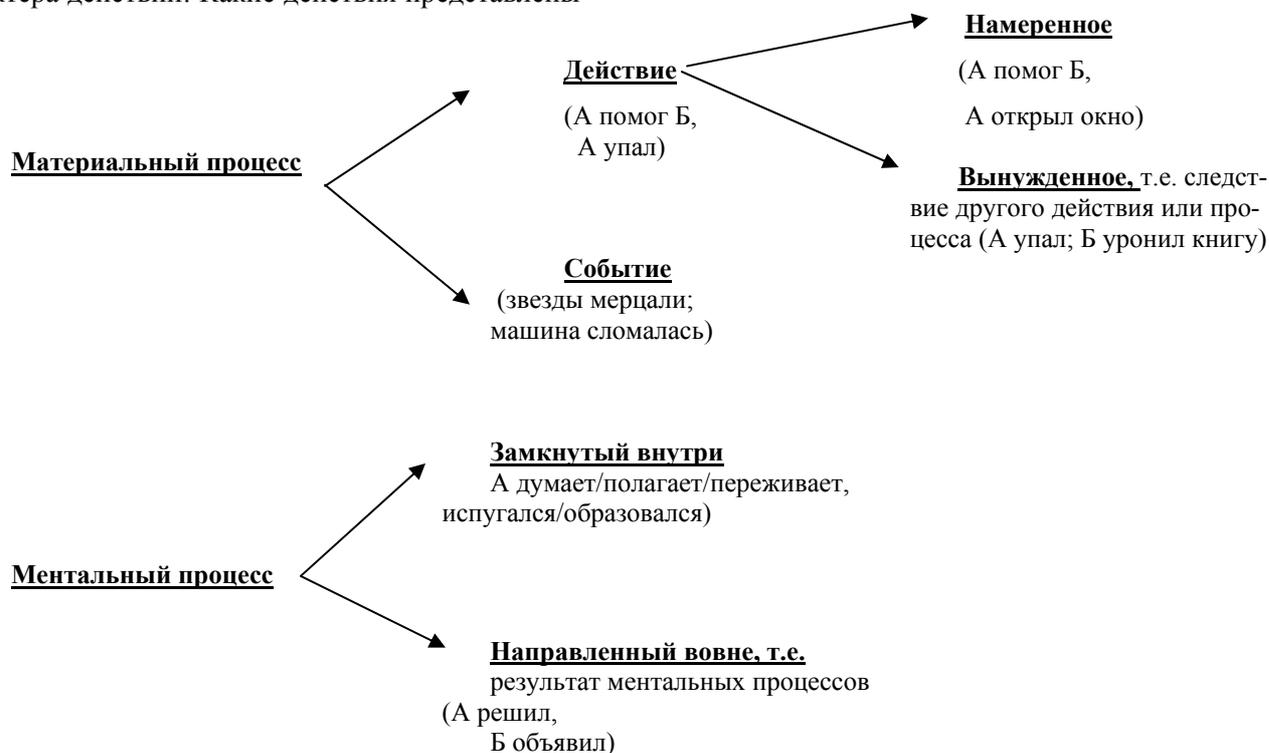
нижеследующем фрагменте из статьи М. Дж. Хардман (перевод мой – Е.Г.): “*Я сидел в приемной (у врача) и играл со своей маленькой дочкой Джейми. Одно из ее любимых занятий – ухватиться за мои пальцы для устойчивости, подтянуться и встать. Женщина (медсестра), увидевшая нашу игру, подошла и, улыбаясь, сказала: “Вот какой ты сильный мальчик, сам уже можешь вставать!” Я улыбнулся в ответ: “Да, она очень сильная”... Женщина удивилась: “Ты такая большая для девочки... И такая умница – смотри как тебя папа подтягивает.”*” [12, 29].

Пропозиционные схемы лежат в основе гендерных стереотипов восприятия. Прозу Эмили Бронте называли “сильной и яростной” (strong and forceful), когда она писала под мужским именем; когда же пол писательницы перестал быть тайной, критики стали находить в ее произведениях мягкость и утонченность (delicacy and gentleness) [9, 94]. Стереотип о женщинах как слабых и робких, а мужчинах - сильных и агрессивных объясняет, почему, описывая одного и того же плачущего ребенка, те, кому его представили как мальчика, считали, что “он сердится”, а те, кому сказали, что это девочка, полагали, что “она боится” [20,43].

В 1989 г. Дейл Спендер провела необычный эксперимент, записав на магнитофон 16 бесед женщин (преподавателей американских университетов, относивших себя к феминистам) с коллегами-мужчинами. Главным открытием, которое она сделала, было несоответствие восприятий (ощущений) людей и эмпирической реальности. Спендер сначала записывала разговоры, потом представлялась, извинялась и просила разрешения использовать записанный материал, чтобы посчитать фактическое время, занятое каждым собеседником. Затем она задавала всем участникам один и тот же вопрос: была ли справедлива, по их мнению, их доля участия в разговоре. Все женщины ответили на данный вопрос утвердительно, а одна даже признала, что говорила больше, чем было бы справедливо. Фактически оказалось, что они говорили от 8% до 38% от времени. Мужчины же заявили, что не получили достаточной возможности высказаться, расценив свою долю участия в разговоре как несправедливую, хотя в реальности говорили от 58% до 75% времени. Очевидно, что оценки респондентов предопределил стереотип о чрезмерной разговорчивости женщин. Результаты этого и других аналогичных экспериментов легли в основу известного феминистского тезиса, что разговорчивость женщин оценивается как чрезмерная, поскольку в патриархальной культуре нормой для женщины считается молчание.

Пропозициональные схемы определяют способы представления действий/событий, и лингвистический анализ дает тому яркие подтверждения. Исследуя семантику глагольных предикатов (transitivity choices) в автобиографическом романе Сильвии Плат “The Bell Jar”, Д. Бертон показала, как героиня “вписывает себя в концепцию беспомощной жертвы” [7]. Анализ транзитивности предполагает рассмотрение характера действий: Какие действия представлены

в тексте? Кто является субъектом, т.е. производит их? Кто является объектом, по отношению к которому они производятся? Куда/на кого направлены действия? Модель анализа транзитивности, впервые предложенная Халлидеем [11], делит глаголы на категории в зависимости от выполняемой деятельности и роли участника в этой деятельности. Бертон упрощенно представила эти типы в виде следующей схемы:

Ключевым принципом в данной модели анализа является мысль о том, что у говорящего (пишущего) всегда есть выбор, какой глагол употребить и, соответственно, как описать (представить) тот или иное событие. Как показала Бертон, “реальность”, конструируемая в анализируемых ею эпизодах романа такова, что даже в тех случаях, когда героиня является субъектом действия, она ни на кого не воздействует, а совершаемое ею действие замыкается на ней самой [7, 230-237].

Анализ писем избирателей, проведенный нами в рамках исследования гендерных аспектов предвыборного дискурса [<http://www.actr.org/JER/issue4/>], показал, что в письмах и обращениях, публикуемых предвыборными штабами кандидатов, женщины, как правило, благодарят за помощь, жалуются (пропозициональная схема “женщина – объект, жертва”), жалеют и сочувствуют (пропозициональная схема “женщина заботится”), тогда как мужчины обычно анализируют, обвиняют, советуют и напутствуют (выступают в архетипической роли эксперта). Представляется, что вопрос о реальном авторстве писем в данном слу-

чае не существенен. С учетом имеющего место в современной гендерологии ухода от эссенциалистских представлений о гендере в сторону концепции о перформации гендера, женским/мужским голосом можно считать то, что воспринимается в данном обществе как женский/мужской голос. Таким образом, независимо от того, были ли анализируемые письма написаны реальными мужчинами/женщинами или по заказу, речь фактически идет о лингвистическом конструировании, предопределенном пропозиционально структурируемыми знаниями о гендере.

Важно подчеркнуть, что пропозициональные схемы не являются глобальными. Они структурируют ограниченные сферы языка и культуры (например, в упомянутом выше исследовании Н. Квин - область знаний о браке в США). Отсюда следуют два важных вывода:

- Пропозициональные схемы могут иметь этно-культурную специфику. (Это особо подчеркивают отечественные исследователи, призывая отказаться от некритичного заимствования наработанного гендерной наукой за рубежом [2]);

• Различные сферы знания могут структурироваться разными пропозициональными схемами. Например, в русском менталитете наряду с пропозицией *женщина – слабая* (“слабый пол”), существует пропозиция *женщина – сильная* (“коня на скаку остановит”).

Тот или иной вид дискурса актуализирует разные типы пропозиций, при этом пропозиции, актуальные для различных социальных, этнических, расовых групп могут не совпадать.

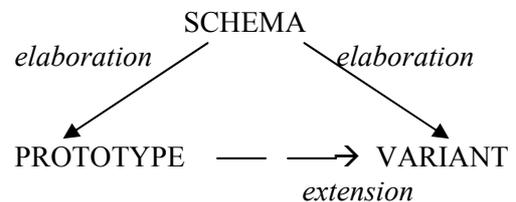
Пропозициональные схемы производны от опыта - как коллективного (культурного, исторического и др.), так и индивидуального, который постепенно обрабатывается, обобщается и фиксируется в виде сценариев. Ритуализация гендера и воспроизводство принятых в обществе гендерных норм и отношений в литературе, кино, театре, рекламе, а также в шутках, анекдотах, карикатурах, плакатах и т.д. и т.д., приводит к тому, что социально-конструируемые мыслительные схемы, не являющиеся результатом прямого восприятия индивидом реальных событий, формируют пропозициональные когнитивные модели, через призму которых интерпретируется опыт непосредственного восприятия действительности.

Сформировавшись, пропозициональные модели “направляют” суждения и выбор вербальных метафор. Например, метафора “она за ним как за каменной стеной” выбирается как соответствующая ситуации не потому что каменная стена – это оптимальный способ представления отношений мужчины и женщины, оберегаемой от опасностей и проблем, а поскольку она иллюстрирует пропозиции о мужчине защитнике, с одной стороны, и о слабости женщины, нуждающейся в защите, - с другой. Таким образом в основе механизма понимания лежит активизация пропозициональной схемы и связанных с нею сценариев, а не сама метафора. Высказывалось даже мнение о первичности пропозициональных схем (а не когнитивных метафор по Лакоффу и Джонсону) в качестве культурных моделей, обеспечивающих понимание и языковую репрезентацию знаний [19]. Однако, как справедливо отмечает Г. Пальмер, способность мыслить на основе постулатов и пропозициональных схем не означает потерю возможности мыслить образами, которые всегда более конкретны и метафоричны [16, 107]. Изучение гендера не может быть ограничено лишь пропозициональными знаниями. На практике конкретные и абстрактные формы мышления тесно переплетены: их не всегда можно отделить друг от друга. Например, “гастрономическая” метафора, структурирующая представление о красивой женщине в русской культуре (“аппетитная”,

“сдобная” и т.п.), производна от пропозиции о женщине как объекте сексуального желания, с одной стороны, и от когнитивной метафоры “сексуальное желание – голод”, с другой. Представляется справедливым мнение Реймонда Гиббса [10,206], который считал, что вместо того, чтобы пытаться решить вопрос об ингерентной метафоричности или неметафоричности разума и культуры, следует обратиться к изучению отдельных концептов для выявления того, как они создаются при участии обоих принципов.

Перспективной для понимания внутренней структуры гендерных концептов представляется модель комплексных категорий, предложенная Г. Пальмером [16, 96]. Пальмер определяет комплексные категории как концептуальные сетки, содержащие прототипы и схемы. При этом он опирается на концепцию Лантакера, по мнению которого, прототипическая категоризация предполагает и включает схематические отношения, поскольку для того, чтобы сделать вывод о сходстве, несходстве и вообще сопоставимости концептов (прототипа и варианта), необходимо прежде всего осознать, что у них есть что-то общее, а это и есть ментальная схема.

Графически комплексная категория (по Пальмеру и Лантакеру) выглядит следующим образом:

В данном случае extension (условно ‘растягивание’, ‘расширение’) – это отношения категоризации, основанные на сходстве, связи или подобии прототипа и варианта, а elaboration (‘развитие’, ‘уточнение’) – на соотношении их со схемой более высокого порядка (будь то пропозиция, сценарий или скрипт).

Процесс гендерной категоризации по данной схеме иллюстрирует рассказ психолога Сандры Бем. Ее сын Джереми пришел в детский сад с декоративной заколкой-пряжкой в волосах, за что другие дети стали дразнить его девочкой. Попытка Джереми наглядно продемонстрировать, что он не девочка, а мальчик, приспустив штанишки, не увенчалась успехом. “*Это* есть у всех, - сказали ему. - Но заколки носят только девочки” [9, 235-236]. В данном случае связь варианта с прототипом устанавливается на основе соотношения их с пропозициональной схемой, касающейся внешнего вида (прически) мальчиков и девочек.

Рассказ воспринимается как забавный более старшими детьми и взрослыми, поскольку они проводят границу между существенными и несущественными признаками пола. Однако, как показывает практика, ‘несущественные’ характеристики отнюдь не всегда лингвистически не релевантны, и подобные схемы категоризации являются важными для поддержания гендерного порядка. В качестве примера приведем два фрагмента из диалогов судей, обсуждавших ораторское мастерство и логику участников ток-шоу “К барьеру” (НТВ 2004). В первом диалоге, вывод о женственности делается на основе стереотипного представления о ее проявлениях:

Судья (мужчина): Памфилова была слишком эмоциональна <...>

Судья (женщина): Да, она говорила как женщина <...>

Во втором фрагменте реализуется пропозициональная схема, в рамках которой эмоционально несдержанное поведение несовместимо со статусом мужчины и политика:

РУСТАМ АРИФДЖАНОВ: <...> мне показалось, Елена, что от выступления Владимира Вольфовича отдает таким жанром травести. Вот он взрослый, состоявшийся мужчина...

ЕЛЕНА ПРОКЛОВА: А истерика как у девочки.³ В данном контексте уместно обращение к мысли Г. Пальмера о том, что постулаты и пропозициональные схемы являются аналитическими абстракциями или вербальными описаниями того, что было бы точнее определить термином “сценарий” [16, 107]. В повседневной практике слова “мужчина”, “женщина” и другие лексемы, опредмечивающие в языке гендерные концепты, способны выступать в роли так называемых слов-сценариев (термин Наоми Квин), т.е. вербальных знаков, актуализирующих в воображении культурные сценарии, в которых аккумулированы знания о гендере. Нетривиальным примером реализации этого свойства в текстуальной практике можно считать приведенный в статье С. Ушакина [5] текст поэта, прозаика и певицы Натальи Медведевой, в котором авторское видение концепта “русский мужик” представлено набором вербализованных сценариев:

Хочу быть русским мужиком, чтобы занимать сразу два места на сиденье метро, широко-широко раздвинув колени.

Чтобы, идя посредине Горького-Тверской, как харкнуть под ноги прохожему и чтобы, напив-

шись, не отсиживаться дома, переть, переть в общественные места, стучая о все углы атташе-кейсом, - пальто нараспашку, ширинка тоже, икая, рожка красная, переть пьяным и подтверждать этим идентичность президента с народом....

Хочу не производить впечатления бабы, которая может дать в морду, а хочу быть русским мужиком, чтобы дать в лоб этому гаду, газирующему на перекрестке, подойти к его опущенному стеклу и со всего маху врезать в лоб....

Хочу быть русским мужиком, чтобы выгнать всех иностранцев, занять их офисы, всю технику-аппаратуру испортить-сломать, и первым делом туалеты...

Хочу быть русским мужиком, чтобы назло всем (пусть об этом никто и не узнает) пустить свою жизнь под откос, кривляясь: «Моя жизнь, что хочу, то и делаю!»

Хочу быть русским мужиком, чтобы истребить всех – коммунист и демократов, фашистов и педерастов, интердевочек, рекетиров и рокеров, - закрыть границы и наконец-то пожить.

Иные аксиологические акценты обнаруживает данный концепт в российском предвыборном дискурсе, где сочетание “русский мужик” неизменно используется в позитивном смысле, актуализируя потенциальные семы “сильный”, “надежный”, “свой”: “... он настоящий русский мужик – его ломают, а он не гнется, стоит”. [Новое Дело - Нижний Новгород, 7.09.02]; или “Он же нормальный русский мужик. Есть в нем что-то от Стеньки Разина и от русских купцов...” [Новое Время, № 34, 14.09.02].

Связь слов со сценариями помогает понять феномен речевой вариативности слова или так называемого “эмерджентного” (Е.С. Кубрякова), т.е. возникающего в тексте, значения (emergent meaning). По мнению В. Кинча, смысл слова не определен, изменчив и открыт, а посему может интерпретироваться как набор знаний, ассоциируемых с ним [14; 6]. Эти знания хранятся в памяти в форме сценариев или “культурно определяемой последовательности действий, схем-рассказов” [16, 75].

Наоми Квин использовала термин “слово-сценарий” применительно к лексеме *commitment*, которая регулярно употреблялась респондентами при описании определенных этапов и форм супружеских отношений. Квин выделила три основных значения, в которых семейные пары употребляли это слово (promise/обещание, dedication/верность and at-

³ Информация с сайта Ирины Хакамады <http://hakamada.ru>

tachment/привязанность), связав полученные результаты с явлением полисемии [18, 301]. Однако в нашем случае речь не может идти о традиционной многозначности, поскольку имплицитруемые гендерными пропозициями значения не находятся в отношениях семантической близости (ср. *женщина - беззащитная, красивая, заботливая, эмоциональная и т.д.*); их объединяет соотнесенность с единым центром - представлением о женственности/мужественности, характерным для данной культуры. Такой способ категоризации, по Лакоффу, представляют радиальные модели, где есть центральная субкатегория, определяемая “пучком” сходящихся (converging) когнитивных моделей (например, в категории *mother* модель рождения, воспитания, генетическая модель и т.д.), а также нецентральные члены (non-central extensions), являющиеся не более узкими, специализированными проявлениями центральной категории, а, скорее, ее вариантами (приемная мать, родная мать, суррогатная мать и т.д.). Г.Пальмер определял радиальные модели как комплексные категории, содержащие прототип или центральный член, к которому присоединяются концептуальные цепи, основанные на отношениях расширения, метонимическом и метафорическом переносе [16, 97-98].

Между центральными членами и вариантами гендерных категорий существуют отношения взаимной выводимости на основе пропозициональной логики и силлогизмов. При этом варианты не могут быть выведены из центра с помощью какого-то общего правила (как, в случае с натуральными числами или терминами родства); связь между ними конвенциональна – она определяется культурой и должна быть усвоена индивидом в процессе социализации.

Особенностью категорий мужественности и женственности является то, что их центральные члены не существуют вне своих конкретных проявлений - вариантов. Нет мужественности и женственности в чистом виде (“как таковых”), а есть лишь комплекс представлений о гендерных традициях и моделях поведения, характерных для данной культуры. Именно это имела в виду философ Джудит Батлер, возражая против понятия о центральной гендерной идентичности, продуцирующей гендерные действия, и подчеркивая, что сами гендерные практики создают иллюзию общего центра: “... *in this sense gender is always a doing, though not a doing by the subject who might be said to pre-exist the deed. ... There is no gender identity behind the expressions of gender; that identity is performatively constituted by the very ‘expressions’ that are said to be its results*” [8, 25]. Никакой гендерной идентичности

за проявлениями гендера, по мнению Батлер, не скрывается; идентичность конституируется в процессе перформации теми самыми проявлениями, которые считаются ее результатами.

Тезис о перформативности гендера акцентирует символическую, дискурсивную и знаковую природу мужественности и женственности как социо-культурных конструктов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Пропозиция / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – Москва, 1999.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997.
4. Слышкин Г.Г. Гендерная концептосфера русского анекдота / Г.Г. Слышкин // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации – Москва, 2002.
5. Ушакин С. “Человек рода он”: знаки отсутствия / С. Ушакин // О муже(Н)ственности: Сборник статей. – М., 2002.
6. Фесенко Т.А. К проблеме объективации и моделирования ментальных репрезентаций / Т.А. Фесенко // Психолингвистические основы словоупотребления и слововосприятия на уроках иностранного языка: Межвузовский сборник научных статей. – Нижний Новгород, 2004.
7. Burton D. Through dark glasses, through glasses darkly / D. Burton // The Stylistic Reader: From Roman Jakobson to the Present. – Arnold: London, New York, Sydney, Auckland, 1996.
8. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity/ J. Butler. - New York and London: Routledge, 1990.
9. Eckert P., McConnel-Ginet S. Language and Gender /P. Eckert and S. McConnel-Ginet. – Cambridge University Press, 2003.
10. Gibbs R.W. The Poetics of Mind: Figurative Through, Language and Understanding / Raymond W. Gibbs. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
11. Halliday M.A.K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding’s *The Inheritors* / M.A.K. Halliday // The Stylistic Reader: From Roman Jakobson to the Present. – Arnold: London, New York, Sydney, Auckland, 1996.
12. Hardman M.J. The Sexist Circuit of English / M.J. Hardman // The Humanist. March-April, 1996.

13. Johnson-Laird P.N. *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness* / Johnson-Laird. – Cambridge, England. Cambridge University Press, 1983.

14. Kintsch W. The use of knowledge in discourse comprehension: A construction-integration model / W. Kinsch // *Psychological Review* 95(2), 1988.

15. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things* / G. Lakoff. – Chocago: Chicago University Press, 1987.

16. Palmer G. *Toward a Theory of Cultural Linguistics* / Gary B. Palmer. – University of Texas Press. Austin, 1996.

17. Quinn N. *Convergent Evidence for a Cultural Model of American Marriage* / Naomi Quinn // *Cultural Models in Language and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

18. Quinn N. *Commitment in American Marriage: A Cultural Analysis* / Naomi Quinn // *Directions in Cognitive Anthropology*. – Champaign: University of Illinois Press, 1985.

19. Quinn N. *The Cultural Basis of Metaphor* / Quinn Naomi // *Beyond Metaphor: The Theory of Tropes in Anthropology*. – Stanford: Stanford University Press, 1991.

20. Romaine S. *Communicating Gender* / Suzanne Romaine. – Lawrence Erlbaum Associates Publishers: Mahwah, New Jersey, London, 1999.